

*А. Н. Чистиков**

**ПЛЮСЫ И МИНУСЫ «ХРУЩЁВСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»:
ОЦЕНКА СОРАТНИКАМИ Н. С. ХРУЩЁВА
В ОКТЯБРЕ 1964 ГОДА****

В статье анализируются партийные документы, связанные с отставкой Н. С. Хрущёва в октябре 1964 г. Автор приходит к выводу, что основная критика была направлена исключительно против Хрущёва, прежде всего против его стиля руководства. Ошибочные, с точки зрения соратников, решения Первого секретаря оценивались также с позиции его личной инициативы или вмешательства. Умолчание касалось не только положительного вклада Хрущёва, но и ряда отрицательных решений, в принятии которых участвовали его обвинители.

Изменение численности и состава аудитории оказывало существенное влияние на содержание партийных документов. Откровенный разговор на заседании Президиума ЦК КПСС сменился критическим, но более сглаженным докладом для участников пленума ЦК КПСС и завершился кратким постановлением пленума ЦК КПСС, не раскрывавшим советским людям истинных причин отставки Хрущёва. Использование тайны соответствовало бюрократической форме управления, присущей в то время многим государствам, в том числе и СССР.

Ключевые слова: СССР, Хрущёв, «хрущёвское десятилетие», КПСС, Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС, Президиум ЦК КПСС.

A. N. Chistikov

*PROS AND CONS OF THE "KHRUSHCHEV DECADE":
ASSESSMENT OF N. S. KHRUSHCHEV'S ASSOCIATES IN OCTOBER 1964*

The article analyzes the party documents related to the resignation of N. S. Khrushchev in October 1964. The author concludes that the main criticism was directed exclusively against Khrushchev, primarily against his leadership style. The First Secretary's erroneous decisions, in

* Чистиков Александр Николаевич, доктор исторических наук, заведующий отделом, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; tchistikov@yandex.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

the opinion of his comrades-in-arms, were also evaluated from the standpoint of his personal initiative or interference. The silence concerned not only Khrushchev's positive contributions, but also a number of negative decisions in which his accusers participated.

The changing size and composition of the audience had a significant impact on the content of the party documents. The frank talk at the session of the Presidium of the CPSU Central Committee was replaced by a critical but more subdued report for the participants of the CPSU Central Committee Plenum and ended with a brief resolution of the CPSU Central Committee Plenum, which did not reveal to the Soviet people the real reasons for Khrushchev's resignation. The use of secrecy was in keeping with the bureaucratic form of governance inherent in many states at the time, including the USSR.

Keywords: the USSR, Khrushchev, «Khrushchev decade», the CPSU, October (1964) Plenum of the CPSU Central Committee, Presidium of the CPSU Central Committee.

В политической истории советской цивилизации 1964 году принадлежит заметное место. В октябре этого года Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущёв ушёл в отставку. Вместо него 14 октября пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнев и рекомендовал Президиуму Верховного Совета СССР назначить Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Изучение этих событий началось с конца 1980-х гг. [8] Интерес историков к теме усилился после публикации материалов заседаний Президиума 13–14 октября и пленума ЦК, интервью и воспоминаний некоторых политиков «хрущёвского десятилетия» [5; 6; 7; 9; 11; 12; 15; 16]. Характеризуя оставление Н. С. Хрущёвым своих постов как «дворцовый заговор», «дворцовый» или «номенклатурный» переворот, историки и публицисты основное внимание уделяли причинам, приведшим к отставке, формированию группы «заговорщиков», выявлению их лидеров [1, с. 266–273, 280–285; 3]. Ю. В. Аксютин конспективно перечислил основные претензии, предъявленные Хрущёву на заседании Президиума ЦК КПСС [1, с. 267–273], а А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев в недавно вышедшей книге не только реконструировали ход этого заседания, но и сравнили некоторые положения в докладе М. А. Сулова на пленуме 14 октября и докладе Д. С. Полянского, подготовленном, но не доведённом до участников пленума [2, с. 28–38].

Вместе с тем отсутствует сравнительный анализ записи выступлений на заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября, текстов докладов Полянского и Сулова, постановления Президиума ЦК КПСС, проекта и окончательной редакции постановления пленума, а также текста постановления, опубликованного в печати. Хотя эти документы имели общую цель — доказать невозможность дальнейшего пребывания Хрущёва на вершине партийной и исполнительной власти, тем не менее их изучение даёт возможность, во-первых, выявить характер претензий к Хрущёву в зависимости от аудитории, для которой предназначались данные материалы, а во-вторых, через умолчание определить те действия и инициативы Хрущёва, которые не подвергались критике в октябрьские дни. Такой анализ позволяет отстраниться от личности Хрущёва и установить плюсы и минусы «хрущёвского десятилетия», с точки зрения соратников по партии и правительству.

На заседании Президиума ЦК КПСС 13–14 октября присутствовали 23 человека, из которых, судя по записям, сделанным заведующим общим отделом

ЦК В. Н. Малиным, с конкретными обвинениями в адрес Первого секретаря выступили 15.

Не останавливаясь на пересказе всех претензий, высказанных членами Президиума, попытаемся сгруппировать их по некоторым характеристикам. Прежде всего, можно выделить две группы: критика стиля руководства Хрущёва и его роли в осуществлении ряда преобразований в стране.

Стиль руководства Первого секретаря никого из выступавших не оставил равнодушным. Обвинения в нетерпимости к другому мнению, вспылчивости, самообольщении соседствовали с утверждениями о нарушении коллективного руководства, диктаторстве и, что особенно важно, непартийном и уничижительном отношении к товарищам, под которыми подразумевались члены Президиума и Секретариата ЦК, а не рядовые коммунисты. О субъективизме и субъективном подходе Хрущёва высказались лишь два человека: первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. П. Кириленко и первый секретарь Ставропольского крайкома партии Л. Н. Ефремов [11, с. 865, 866]. Зато о формирующемся или уже сформировавшемся культе личности Хрущёва упомянула почти половина выступавших. В потоке обвинений не осталась незамеченной реплика Ефремова (в записи Малина): «В личном плане: вы были другим человеком». Эту мысль подхватили заместитель председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский («Другой Хрущёв стал. В первую пятилетку вёл хорошо себя. В последнее время захотел возвыситься над партией, стал груб») и секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный («Мы все с уважением относились к т. Хрущёву. Сейчас он другой») [11, с. 866, 868, 870]. А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, назвавшие это разделение «концепцией двух Хрущёвых», объясняют его стремлением членов Президиума «отмежеваться от ошибок и возложить вину исключительно на Хрущёва» [2, с. 34]. Не возражая против такой трактовки, отметим, что тем самым косвенно политика «первого Хрущёва» его соратниками признавалась правильной.

Претензии к конкретной деятельности Первого секретаря, казалось бы, охватывали все сферы жизни страны, её внутренней и внешней политики: от идеи новой семи- или восьмилетки до отсутствия интереса к профсоюзам. Но среди них явно выделяются несколько «болевых точек».

Многих членов Президиума справедливо раздражал поток реорганизаций, инициатором которых часто выступал Хрущёв и которые порой обосновывались амбициозными задачами, например, «догнать и перегнать США». Большинство выступавших высказались против проведённого в 1962 г. разделения партийных, советских и иных органов на промышленные и сельскохозяйственные, попутно отметив снижение роли Президиума, пленумов и правительственных органов.

Досталось Хрущёву и за непоследовательность и неразбериху в руководстве сельским хозяйством, провалы в котором, по утверждению председателя ВЦСПС В. В. Гришина, связывались с именем Хрущёва. В записях Малина есть несколько указаний на определённые ошибки в этой области. Первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе критиковал Первого секретаря за увлечение гидропоникой, председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС А. Н. Шелепин — за чехарду с «каруселью» и «ёлочками»

(оборудованием для животноводческих ферм) и «рязанское дело». Последнее поставил в вину Хрущёву и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев [11, с. 864, 867, 871]. По позднейшему утверждению Ефремова, первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин попенял Хрущёву за увлечённость расширением посевов кукурузы и бобовых [2, с. 152]. Но в основном акцент был сделан на поспешной «вне времени и пространства» выработке Хрущёвым программе развития сельского хозяйства. Правда, и в этом случае Полянский вновь использовал противопоставление одного Хрущёва другому, заявив, что «в первые годы шло хорошо, затем — застой и разочарование», тем самым признав правильность курса, определённого пленумом ЦК КПСС в сентябре 1953 г. В сфере промышленности главная претензия сводилась к организации совнархозов, что привело к бюрократизации и неразберихе в управлении промышленностью и к ослаблению и отсталости материально-технической базы.

Не оставили без внимания члены Президиума внешнюю политику, критикуя Хрущёва за апломб, обсуждение внешнеполитических вопросов «урывками», «разброд» в отношениях с социалистическими странами, за опасные высказывания о Синьцзяне и неправильные действия, приведшие к возникновению берлинского вопроса, к кубинскому и суэцкому кризисам. При этом не было упомянуто, например, о действиях Хрущёва в польских и венгерских событиях осени 1956 г., о его вкладе в нормализацию отношений с Югославией. Видимо, эти события положительно оценивались соратниками Первого секретаря. Единственным участником заседания, который не ограничился критикой, но отметил и положительные стороны деятельности Хрущёва на внешнеполитической арене, оказался первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. «Во внешней политике — вначале Хрущёв мало владел внешней политикой, быстро овладел», — записал его слова Малин. Нравились Микояну и «блестящие беседы с иностранцами» Первого секретаря.

Претензии к Хрущёву в области культуры по сути дела сводились к критике действий его зятя — главного редактора газеты «Известия» А. И. Аджубея, к присуждённой (но, кстати, так и не врученной) Хрущёву Республиканской премии им. Т. Г. Шевченко, да к общему замечанию А. П. Кириленко: «о деятелях разные мнения». Ни эмоциональные встречи Хрущёва с деятелями культуры, ни приоткрытая дверь в «чуждый мир», потребовавшая от агитационно-пропагандистских органов усиленной работы и поисков новых методов, не вызвали возражения и неприятия у членов Президиума. Не было сказано ни слова о религиозной политике этого периода, на протяжении многих лет отличавшейся агрессивностью, что, по-видимому, стоит расценивать как поддержку Первого секретаря в этом вопросе.

За одним исключением в вину Хрущёву не ставились его инициативы в социальной области: сокращение рабочего дня, введение авансирования колхозов, отмена платы за обучение в старших классах и вузах, принятие закона о государственных пенсиях. Обошли вниманием выступавшие и события в Новочеркасске в 1962 г. Исключением стала жилищная политика. Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест обвинил Хрущёва в невыполнении жилищной программы, а у Шелепина вызвало недовольство строительство

4–5-этажных домов. Речь шла, безусловно, о панельных домах, в обиходе именуемых «хрущёвками», благодаря которым впервые в стране удалось наладить массовое жилищное строительство.

Хотя в основном выступления собравшихся сводились к перечислению ошибок и неверных действий Хрущёва, прозвучали на заседании и другие оценки: «добились огромных успехов» (Шелест), «много хороших сторон есть» (Подгорный). Эти утверждения переключались с одобрением генеральной линии партии, решений съездов и ЦК. Немногим позднее, в докладе на пленуме Сулов тоже упомянул о правильной и нерушимой генеральной линии партии, что А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев расценили как традиционное заклинание для успокоения партийной элиты [2, с. 28–29]. С этим можно согласиться, тем более, что Ефремов, правда, гораздо позднее, утверждал, что на заседании Президиума он признавал линию политики партии правильной, ибо «если сказать иначе, нас не поймёт ни партия, ни народ» [2, с. 141]. Возможно, и остальные четверо членов Президиума одобряли генеральную линию по той же причине. Однако, учитывая, что разговор шёл в узком кругу и не мог стать достоянием широких (и даже не очень широких) партийных масс, можно предположить, что кто-то из них искренне был уверен в незыблемости такой линии, а во всех нарушениях винил Хрущёва. Именно так изложил свою мысль Полянский: «Линия съездов правильная, другое дело осуществление её т. Хрущёвым». Любопытно, что выступавший незадолго до Полянского Сулов в качестве одного из обвинений использовал такую же формулу, но с противоположным знаком: «Всё положит[ельное] припис[ывается] Хрущёву, недостатки — обкомам» [11, с. 868, 867].

Единственным, кто выразил сомнение в правильности решений партийных съездов, оказался Мжаванадзе, заявивший: «XX съезд, XXXII съезд — лозунги» [11, с. 866]. Правы А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, предположившие, что этим высказыванием двигала обида Мжаванадзе, по настоянию Хрущёва вынужденного участвовать в комиссии по перезахоронению И. В. Сталина [2, с. 141]. В записях Малина нет информации об отношении присутствовавших к Программе партии, принятой в 1961 г., однако в рукописном варианте воспоминаний Шелест процитировал часть своего выступления на заседании Президиума, где, в частности, сказал: «В новой Программе партии много обещаний. Вот одно из них: в течение 10 лет каждой семье предоставить отдельную квартиру. Бесплатные поездки коммунальным транспортом, бесплатное питание части населения. Теперь мы говорим, что это ересь» [2, с. 136]. Вспомнил о Программе и Сулов. В передаче Ефремова этот эпизод выглядит следующим образом: «Многие предложения членов Президиума вами отклоняются, причём необоснованно. Это касается, в частности, предложений о Программе КПСС. В ней отсутствовало положение о сохранении в СССР руководящей роли рабочего класса. Но вам нельзя было этого сказать» [2, с. 143]. Шелест мог опираться на подготовленный текст своей речи, а Ефремов вёл конспективные записи на заседании Президиума, и по этим причинам можно доверять их информации, хотя в последнем случае прямая речь всё-таки вызывает сомнение.

Результатом двухдневного обсуждения стало постановление Президиума ЦК КПСС, в котором были выделены главные претензии к Хрущёву: 1) нару-

шение ленинских принципов коллективного руководства («стал выходить из-под контроля ЦК КПСС», «перестал считаться с мнением членов Президиума ЦК и членов ЦК КПСС»); 2) неприемлемая манера поведения («нетерпимость и грубость к товарищам по Президиуму и ЦК», проявление отрицательных личных качеств); 3) ошибочность в принятии ряда решений (крупные ошибки «в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов КПСС»). Первые два пункта фактически говорили о стиле руководства Хрущёва, последний в общей форме повторял тезис Полянского об искажении Первым секретарём правильных съездовских решений. Как и на заседании Президиума, в решении не отмечались какие-то заслуги Хрущёва.

Характер данного документа не предполагал перечисления конкретных ошибок и прегрешений. Эта цель была поставлена перед Полянским, который готовил доклад для пленума. Однако вместо него выступил Суслов. Публикаторы 68-страничного текста доклада Полянского предположили, что замена «жёсткого обличительного варианта <...> более мягким» произошла из-за того, что Хрущёв на заседании Президиума согласился уйти в отставку и результаты голосования на пленуме были предсказуемы [7, с. 101]. С такой трактовкой, как одной из причин смены докладчика, согласны А. Н. Артизов и Ю. В. Сигачев, которые в своей книге сопоставили отдельные положения и формулировки двух докладов, подтвердив указанные расхождения и выявив принципиальные различия. Они же отметили, что часть положений и примеров из доклада Полянского Суслов использовал в своём выступлении [2, с. 36–38].

Как трансформировались высказывания членов Президиума ЦК КПСС и основные претензии, высказанные Полянским, в докладе Суслова? Что узнали 14 октября 1964 г. 329 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС и члены Центральной ревизионной комиссии?

Говоря о личных качествах Хрущёва, Суслов процитировал соответствующие строки из доклада Полянского, добавив к сказанному на заседании Президиума капризность, озлобленность, чрезмерную самоуверенность и администраторское увлечение, но промолчал о матерной брани, посчитав, вероятно, информацию об использовании этого «метода руководства» излишней. Констатация нарушения ленинских принципов коллективного руководства логически подводила и к культу личности Первого секретаря. Полянский и Суслов поддержали тех членов Президиума, которые говорили лишь о складывающемся культе личности, но его трактовка у них различалась. «Мы имеем дело с ясно наметившимися рецидивами культа личности», — писал Полянский [7, с. 122]. В докладе Суслова говорилось, что действия Хрущёва «могли быть истолкованы как его стремление выдвинуть культ своей личности». Примечательно, что во вступительном слове на пленуме Брежнев обвинил Хрущёва в выпячивании своего культа личности, но эта речь в стенограмму не вошла [5, с. 6] и рядовым коммунистам была предложена более мягкая трактовка.

Противопоставление «двух Хрущёвых», прозвучавшее в выступлениях членов Президиума, нашло отражение и в докладах Полянского и Суслова, но здесь характеристика «первого» (то есть хорошего) Хрущёва наполнялась более-менее конкретным содержанием. Полянский отдал должное решительности Первого секретаря при ликвидации культа личности Сталина и восста-

новлении ленинских норм партийной и государственной жизни, добавив, что «никто не собирается также отрицать всё то полезное и правильное, что сделано им в других областях деятельности, особенно в первый период его пребывания у руководства». В это «полезное и правильное», кроме реабилитации, видимо, вошла характеристика Хрущёва как хорошего организатора [7, с. 103, 123]. Суловская трактовка «двух Хрущёвых» заключалась в следующих словах: «Ещё несколько лет тому назад стиль работы т. Хрущёва был другим, и мы отдаём должное его инициативе, энергии. Мы вместе с ним боролись с антипартийной группой <...> Мы не забываем и этих заслуг т. Хрущёва. Но в последние годы он резко изменился в отрицательную сторону...». О других заслугах своего соратника Сулов сказал в начале доклада: «Решения XX, XXI и XXII съездов партии наметили правильный ленинский курс в области внутренней и внешней политики. В разработку этой коллективно выработанной линии т. Хрущёв внёс определённый вклад. Следует отметить его положительную роль в разоблачении культа личности Сталина, в проведении ленинской политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, в борьбе за мир и дружбу между народами» [5, с. 9, 7].

Такой приём сочетания положительного и отрицательного был привычен при составлении личных характеристик в советскую эпоху. И в данном случае докладчики не покривили душой, отметив заслуги своего соратника.

Список «прегрешений» оказался намного длиннее и в основном совпадал с претензиями, высказанными на заседании Президиума. Непрерывные реформы, различные реорганизации, перестройки, подмеченные Полянским, превратились в «бесконечные реорганизации» у Сулова. При этом особое беспокойство у Полянского вызвало разделение партийных и советских органов в 1962 г., приведшее, по его словам, к подчинению промышленных обкомов совнархозам, а колхозных и совхозных парткомов — производственным управлениям. «Такого положения у нас ещё никогда не было, — писал он. — Ведь именно партия всегда руководила строительством социалистического общества, всеми организациями и органами снизу доверху» [7, с. 110]. Мысль об опасности перемещения партийных органов на вторые роли у Сулова выражена также отчётливо: «без партийных организаций, без укрепления их, без повышения их роли невозможно поднять сельское хозяйство». Общую отрицательную оценку Сулов дословно позаимствовал у Полянского: «Произошло невероятное переплетение, смешение функций, прав и обязанностей партийных, государственных и хозяйственных органов, параллелизм в их работе» [5, с. 13]. Не случайно на следующем после отставки Хрущёва пленуме в ноябре того же года было принято решение о возвращении к старой структуре партийных органов.

Критика политики Хрущёва в сельском хозяйстве занимала в докладах немалое место, как и при обсуждении на заседании Президиума. Это было связано с активным вмешательством Первого секретаря. По словам Полянского, Хрущёв «всюду и везде уверяет, что только он один знает сельское хозяйство и сумел “вытащить” колхозы и совхозы чуть ли не из пропасти» [7, с. 106]. Справедливости ради стоит отметить, что аграрные реформы, проведённые на основе решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС и последующих

законодательных актов, дали мощный позитивный заряд, но к концу 1950-х гг. он в основном был исчерпан [4, с. 398]. Вслед за Полянским Суслов также в своём выступлении обвинил Хрущёва в монополизации руководства сельским хозяйством. Конкретные претензии, высказанные членами Президиума и в докладах, во многом совпадают, что свидетельствует об их одинаковом восприятии многих «болевых точек» сельского хозяйства и об учёте мнений, высказанных на заседании Президиума. Стоит обратить внимание на отсутствие в этом списке инициативы Хрущёва об освоении целинных земель. Видимо, она возражения не вызвала. Председатель КГБ В. Е. Семичастный спустя годы так и не смог прийти к однозначной оценке этого способа решения зерновой проблемы, но заметил в воспоминаниях, что «личный вклад Хрущёва в поднятие целины не могут поставить под сомнение даже самые упорные его критики» [15].

Полянский в своём докладе упоминал о возмущении Хрущёва, узнавшего, что продукция колхозов дешевле совхозной, в то время как он считал её более дорогой. Но при этом Полянский утверждал, что «партия будет и впредь развивать совхозное производство» из-за его прогрессивности [7, с. 108]. Суслов этого сюжета не коснулся. Возможно, из-за того, что процесс преобразования колхозов в совхозы начался уже при Хрущёве, осенью 1954 г., и эта реплика выглядела надуманной.

Претензии к деятельности Хрущёва в области внешней политики у Полянского выделены в отдельный раздел и заняли объёмное место в докладе. Характеристику суэцкого и карибского кризисов, «берлинского вопроса» он заключает выводом о том, что в течение последних семи лет Советская страна без всяких к тому серьёзных причин и оснований трижды оказывалась на грани войны» [7, с. 113]. К критике действий Хрущёва в отношениях с социалистическим лагерем добавлены утверждения о вынашивании им планов добровольного присоединения к СССР Болгарии и Монголии, о создании арбитража или проведении опросов населения по поводу территориальных споров между социалистическими странами. Ничего этого нет в докладе Суслова. В отличие от своих товарищей по Президиуму он в основном ограничился общими выводами о наглежащих империалистах, особенно США, сложных отношениях между некоторыми социалистическими странами, росте национализма в некоторых из них. Конкретные претензии касались поведения Хрущёва в Румынии, где он поучал «как сеять кукурузу», и при встрече с первым секретарём ЦК Польской объединённой рабочей партии В. Гомулкой, которому он заявил об отказе покупать самолёты АН-2, производимые в Польше, из-за их высокой стоимости [5, с. 13–14]. Замена «берлинского вопроса», суэцкого и карибского кризисов упомянутыми нетактичными поступками Хрущёва делала его «прегрешения» во внешней политике второстепенными, выводя на первый план критику личных качеств, методов руководства и отдельных реформ во внутренней политике. Как и на заседании Президиума, ни один из докладчиков не упомянул о польских и венгерских событиях 1956 г. и нормализации отношений с Югославией, тем самым также подтверждая правильность принятых решений.

Критика действий Хрущёва в области культуры и науки была весьма скромной. Полянский упомянул о шевченковской премии, вспомнил (как Шелепин

на заседании Президиума) об угрозе Первого секретаря закрыть Академию наук и охарактеризовал как неудачную и ненужную школьную реформу 1958 г., которая, по его словам, привела к снижению качества общеобразовательной подготовки [7, с. 120, 121]. Из этого в доклад Сулова вошла лишь информация о заявлениях Хрущёва ликвидировать Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева и разогнать АН СССР. Упоминанию о школьной реформе места не нашлось, хотя, как пишут современные исследователи, «к середине 1960-х гг. просчёты реформы стали видны всему обществу», и после отставки Хрущёва её стали сворачивать [13, с. 204]. Как и на заседании Президиума, ни слова не было сказано об «оттепельных» явлениях в литературе и искусстве, о встречах Хрущёва с деятелями культуры, о политике «полуоткрытых дверей», о наступлении на религию.

Уровень жизни советских людей также не остался без внимания Полянского, но критику он начал с Программы КПСС, заявив, что «готовили её без глубоких экономических обоснований и расчётов» и без участия членов Президиума. Опираясь на официальные данные, он констатировал снижение темпов прироста общественного продукта, роста производительности труда и национального дохода. Это вызывалось, по его мнению, бесконечным внедрением «новых» систем управления и приводило к невыполнению не только плановых заданий, но и мероприятий социального характера. В качестве конкретного примера Полянский упоминал о росте незавершённого строительства, попутно раскритиковав (подобно Шелепину на заседании Президиума) «директиву» Хрущёва о строительстве четырёх- и пятиэтажных домов, как более затратных, чем высотные [7, с. 104–110]. Сулов же в своём выступлении обошёл жилищный вопрос (возможно, признавая заслуги Хрущёва в его решении) и ограничился констатацией известных трудностей «в снабжении населения мясом, хлебом, крупами и другими продуктами» [5, с. 11].

По-иному он трактовал и содержание Программы партии: «ленинская генеральная линия партии, намеченная решениями XX, XXI и XXII съездов партии, Программой партии, является правильной и нерушимой. Эта линия как в области внутренней политики, так и в области внешней политики для нас священна и незыблема». «Однако наши успехи были бы более значительными при иной обстановке в Президиуме ЦК, — продолжал Сулов. — Ненормальность её, созданная в последние годы т. Хрущёвым, нанесла и наносит серьёзный ущерб практической работе не только Президиума ЦК, но и работе всего ЦК, да и работе всей нашей партии» [5, с. 7]. Фактически здесь передана мысль, высказанная Полянским на заседании Президиума, об ошибках Хрущёва при осуществлении правильной генеральной линии партии. Таким образом он перекладывал всю вину исключительно на Хрущёва, отводя критику не только от членов Президиума, но и от других высокопоставленных партийных руководителей, что не могло не понравиться участникам пленума.

Ещё на заседании Президиума было решено, что пленум пройдёт без выступления Хрущёва и без прений. В конце доклада Сулов предложил проект постановления, который текстуально совпадал с постановлением Президиума, за одним исключением:

Постановление Президиума ЦК КПСС	Проект постановления пленума ЦК КПСС
Президиум ЦК КПСС считает, что при сложившихся отрицательных личных качествах как работника, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв неспособен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе.	Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся за последнее время , преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв неспособен исправить допущенные им серьёзные ошибки.

С постановлением пленума должны были ознакомиться не только его участники, но и другие коммунисты. Замена характеристики отрицательных личных качеств со сложившихся на наличествующие и проявившиеся в последнее время позволяла пояснить нижестоящим партийным руководителям, что соратники Хрущёва знали о негативных сторонах его характера и решительно выступили против, как только они стали доминировать в его поведении. Исключение упоминания о непартийных методах в работе Первого секретаря, на наш взгляд, вызвано стремлением сбалансировать две группы претензий: к его личным качествам и практическим действиям во внутренней и внешней политике.

Посол СССР в Алжире Н. М. Пегов предложил добавить в проект постановления фразу о принижении Хрущёвым роли ЦК. По мнению посла СССР в Польше А. Б. Аристова, следовало указать, что «т. Хрущёв плохо оправдывал доверие ЦК». Видимо, было учтено только последнее предложение, так как в окончательном варианте процитированная фраза приобрела следующий вид: «Пленум ЦК КПСС считает, что при наличии отрицательных личных качеств как работника, проявившихся за последнее время, преклонном возрасте и ухудшении здоровья т. Хрущёв стал утрачивать доверие ЦК КПСС и не способен исправить допущенные им серьёзные ошибки» [12, с. 769]. В таком виде постановление вошло в протокол пленума, разосланный на места.

Составители трёхтомника «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964» опубликовали и первоначальный вариант постановления пленума. Видимо, его готовил Суслов, так как содержание близко к его докладу, некоторые формулировки и суждения совпадают почти текстуально. Важно подчеркнуть, что этот вариант начинался с признания немалого вклада Хрущёва в разработку и осуществление генеральной линии партии, разоблачение культа личности Сталина и преодоление его последствий, в проведение политики мирного сосуществования [12, с. 769]. Впоследствии эта часть была исключена из постановления, но её наличие, на наш взгляд, может свидетельствовать об определённых расхождениях среди членов Президиума ЦК. Объединённые одной целью — добиться отставки Хрущёва, они могли неодинаково оценивать содержание информации, которую предстояло донести до разных уровней партийного аппарата. Градус критики в докладе Суслова был ниже, чем у Полянского. Возможно, кроме иных причин, это было связано с пониманием, что информация выйдет за пределы узкого круга партийных функционеров. Но при редактировании постановления чаша

весов склонилась в сторону тех, кто акцентировал внимание исключительно на ошибках и негативном влиянии Хрущёва.

Протокол пленума поступил в республиканские, краевые и областные парторганизации и послужил источником (в ряде случаев к нему добавились личные впечатления участников пленума) для выступлений секретарей этих организаций на партийных активах. На пути к первичным партийным организациям часть сведений исключалась. Так, 16 октября 1964 г. актив пермских промышленной и сельской партийных организаций после доклада секретаря Пермского промышленного обкома КПСС К. И. Галаншина одобрил решение пленума ЦК КПСС об освобождении Хрущёва «за серьёзные ошибки и недостатки в его работе, принижение роли партийных организаций, грубое нарушение ленинских норм партийной жизни и курс на культ своей личности». В тот же день Галаншин выступил на местном заводе им. Ленина, и собравшиеся единодушно осудили «ошибки в деятельности т. Хрущёва, игнорирование им принципа коллективности руководства в нашей партии, попытки насадить культ своей личности» [14, с. 390, 391]. Из последней резолюции исчезло упоминание о принижении роли партийных организаций, а нарушение ленинских норм партийной жизни сузилось до игнорирования принципа коллективности руководства.

Причины отбора информации могли быть различными, в том числе и из-за ограниченности времени докладчика, но было и сознательное умолчание. Примером тому — официальное извещение о пленуме, опубликованное в центральных газетах: «Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущёва Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья» [10]. По сравнению с уже усечёнными сведениями, полученными на партийных собраниях, эта информация поражала своей краткостью и вызвала закономерные вопросы: «Почему народу не сказано откровенно, что т. Хрущёв не справился, а мотивируют это его болезнью?», «Почему в печати написано, что т. Хрущёв освобождён по собственному желанию? Опять в народе будет неверие к руководству», «Почему не говорится подробно о Пленуме ЦК КПСС всем трудящимся?» [14, с. 391, 395, 397].

Рассуждая о причинах тайн «партийной кухни», А. Н. Артизов и Ю. В. Сигаев пишут: «Большевистские вожди в духе традиций, сложившихся за годы, проведённые партией в подполье, такую конспирацию находили естественной, поскольку она позволяла оберегать их тайны от народа» [2, с. 23]. На наш взгляд, дело не в подполье и не в большевиках. Советское государство, подобно многим другим, имело бюрократическую форму управления, одной из характеристик которой является тайна, выступающая как проявление замкнутости, отчуждённости «посвящённых» от «не посвящённых». А секреты партийно-государственного типа отражали лишь особенность данной управленческой системы.

Основная критика была направлена исключительно против Хрущёва, прежде всего против его стиля руководства. Ошибочные, с точки зрения соратников, решения Первого секретаря оценивались также с позиции его

личной инициативы или вмешательства. Умолчание касалось не только положительного вклада Хрущёва, но и ряда отрицательных решений, в принятии которых участвовали его обвинители.

Изменение численности и состава аудитории оказывало существенное влияние на содержание партийных документов. Откровенный разговор на заседании Президиума ЦК КПСС сменился критическим, но более сглаженным докладом для участников пленума ЦК КПСС и завершился кратким постановлением пленума ЦК КПСС, не раскрывавшим советским людям истинных причин отставки Хрущёва. Использование тайны соответствовало бюрократической форме управления, присущей в то время многим государствам, в том числе и СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. — М.: РОССПЭН, 2010.
2. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В. В октябре шестьдесят четвёртого: смещение Хрущёва. Источниковедческие и историографические заметки. — М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020.
3. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В. Как снимали Хрущёва: Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы (вступительная статья). — URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1002078> (дата обращения 10.08.2021).
4. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. — 2000. — № 2. — С. 394–425.
5. Как снимали Н. С. Хрущёва. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. — 1993. — № 1. — С. 3–19.
6. Мухитдинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачёва. — М.: Фин.-пром. корпорация «Руссти-Рости», 1995.
7. Несостоявшийся доклад. «Таковы, товарищи, факты». Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС (вариант). Записи В. Малина на заседании Президиума ЦК КПСС. Публ. И. Кондаковой, А. Короткова, В. Лебедева, С. Мельчина, А. Степанова // Источник. — 1998. — № 2. — С. 101–143.
8. Никита Сергеевич Хрущёв: Материалы к биографии. — М.: Политиздат, 1989.
9. Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. — М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2007.
10. Правда. — 1964, 15 октября.
11. Протокол [без номера]. 13–14 октября 1964 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: в 3 т. — Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 862–872.
12. Протокол № 164 от 13–14 октября [1964 г.] // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления: в 3 т. — Т. 3: Постановления. 1959–1964. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — С. 767–771.
13. Репинецкий А. И., Рябов В. В. Реформирование системы школьного образования в 1958–1964 гг.: задачи и просчёты // Самарский научный вестник. — 2020. — Т. 9. — № 1 (30). — С. 200–205.

14. Российская провинция. 1917–1985: Документы и материалы в 6 т. Пермский край. — Т. 2. 1941–1985. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. — С. 390–401.
15. Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. — М.: Вагриус, 2002. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182824&pr=29> (дата обращения: 30.08.2021).
16. Шелест П. Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. — М.: Ed. Q: Квинтэссенция, Б. г. (1994).